«За исход каждого дела мы всегда отвечаем сами»

19.11.2021 ИНТЕРВЬЮ СПЕЦПРОЕКТЫ СТАТЬИ

Иногда от работы юристов-судебников зависит судьба компании. Об одном из таких кейсов нам рассказала Евгения Суворова, глава юридического департамента ООО УК «РФП Групп». Юристам ООО УК «РФП Групп» удалось убедить Правительство РФ, Рослесхоз, профильные ведомства и суд в необоснованности претензий Рослесхоза и существенно снизить размер вменяемого ущерба, предотвратив тем самым банкротство компаний Холдинга. «Победа любит подготовку». О том, как как выстроена претензионно-исковая работа в ООО УК «РФП Групп» и что было самым сложным в кейсе по возмещению ущерба лесам и почвенному покрову Баджальского заказника, Евгения рассказала в интервью в рамках совместного проекта Legal Insight и Forward Legal «ПИР: Судиться нельзя договориться».

Forward Legal
Адвокатское бюро Forward Legal образовано в 2014 году в Москве и объединяет более 30 адвокатов и юристов. Партнеры бюро работают на юридическом рынке с 2001 года. Юристы Forward Legal специализируются на разрешение сложных судебных споров, а также проектах, исход которых определяют победы в суде: банкротствах, корпоративных конфликтах, приобретениях и реструктуризации проблемных активов. Клиенты бюро – средний и крупный российский и зарубежный бизнес, предприниматели, состоятельные люди, в том числе Сбербанк, Газпромбанк, UniCredit, A1, Акрон, S7 Airlines, X5 Retail Group, Вымпелком, ПИК, МИЦ, Ингеоком, ОГК-2, Saint Global, Международный олимпийский комитет. Подробнее: https://forwardlegal.com/

– Расскажите, пожалуйста, как устроен возглавляемый вами юридический департамент и как в него встроена судебная функция.

– Наш юридический департамент имеет вертикально интегрированную структуру. Во главе департамента стою я, директор по правовым вопросам, далее идут руководители управлений: по претензионно-исковой работе, договорной работе, корпоративным событиям и вопросам недвижимости. В дочерних обществах — Амурском пароходстве и на заводах в городе Амурске — трудится по два-три юриста-дженералиста, которые функционально подчиняются мне и соответствующему руководителю. В общей сложности в моем подчинении находится 23 юриста, семеро из них занимаются судебной и договорной работой в управляющей компании. Они осуществляют общее руководство юристами на местах, которым отданы практически все функции, в том числе претензионно-исковые.

– Как выстроена претензионно-исковая работа?

– При необходимости наши коллеги из бизнеса инициируют претензию или исковое производство. Весь пакет документов они собирают самостоятельно, юристы подключаются по запросу. Готовый пакет документов направляется в дирекцию по правовым вопросам в управляющей компании и там распределяется между юристами с учетом их загруженности и направления бизнеса, с которым связан спор. Нетрудовые споры и споры на сумму менее 20 млн рублей юристы в дочерних компаниях обычно ведут самостоятельно. Всеми остальными спорами могут заниматься юристы из управляющей компании или проектные команды, сформированные из судебников управляющей компании и филиалов.

– То есть у юристов-судебников есть специализация?

– Специализация связана с направлениями бизнеса, которые сопровождаются нашими юристами: транспорт и логистика, лесозаготовка (у нас в аренде находится порядка 4 млн гектаров леса на Дальнем Востоке), лесопереработка (этими вопросами занимаются отдельные юристы), споры, связанные с таможней, внешнеэкономической деятельностью (их ведут юристы торгового дома), споры, возникающие в связи с работой Амурского пароходства (ими занимаются местные коллеги).

– Установлен ли у вас минимальный финансовый порог для инициирования судебного спора?

– Одно время мы думали об установлении такого порога, но в итоге отказались от этого. Многие судебные споры имеют принципиальный характер, несут в себе репутационный риск или создают неприятный прецедент.

– Как вы ведете учет загруженности сотрудников?

– У нас есть биллинговая система, позволяющая в режиме реального времени видеть, кто чем занят, сколько времени в среднем занимает работа по одному делу и прочее, а также единый реестр судебных дел. К сожалению, данная система не автоматизирована, но я надеюсь когда-нибудь это исправить. Просто сейчас мы не можем позволить себе дорогостоящую покупку. Кстати, наличие биллинга очень помогло нам в ковидные времена: когда в других компаниях юристов сокращали, мы сумели отстоять весь свой штат, представив коллегам из бизнеса данные о нашей загруженности, которая в период пандемии не стала меньше.

– Какова годовая судебная нагрузка у ваших юристов?

– В прошлом году мы сопровождали более 250 судебных и административных дел. Самые крупные дела были связаны с нарушением лесного законодательства: лесозаготовкой, утилизацией отходов лесозаготовки, договорами аренды лесных участков и пр. Средняя сумма иска там может достигать 30 млн рублей. Эти споры являются узкоспециализированными, и мы всегда работаем с ними самостоятельно. Еще важные направления составляют споры, связанные с таможней, железнодорожной перевозкой

грузов, функционированием Амурского пароходства (покупка судов, например).

– Какая методологическая работа лежит на управляющей компании? Судебники создают типовые претензии, проводят внутреннее обучение?

– Да, все это мы делаем. Раньше регулярно проводили в режиме офлайн круглые столы, сейчас осуществляем обучение в большей степени онлайн. В любом случае между юристами идет активный информационный обмен. При необходимости направляем сотрудников на внешнее обучение. Юристы управляющей компании осуществляют разработку локальных нормативных актов, любых положений, приказов, иногда даже писем. Вся локальная работа по урегулированию взаимодействия внутри группы ведется через юриста. На еженедельной основе мы участвуем в совещаниях по вопросам операционной работы бизнеса.

– Есть ли у судебных юристов KPI?

– У нас предусмотрены проектные KPI. Только в очень редких случаях мы используем показатель, выраженный в процентном соотношении от суммы важного иска, либо какой-то твердый показатель, если иск неимущественного характера.

– В каких случаях вы привлекаете внешних юридических консультантов? Как выстраиваете работу с ними?

– Если иск крупный, мы привлекаем внешних консультантов для разработки стратегии защиты и ведения дела. Полностью же дела консультантам не отдаем никогда, поскольку всегда сами отвечаем за исход каждого из них. Мы смотрим документы, утверждаем позиции, иногда спорим с консультантами, даже в суд ходим вместе с ними.

– Что вам не нравится в работе с внешними консультантами?

– Мы достаточно много работали с консультантами, как с российскими, так и с иностранными, и не только по судебным делам, однако мне до сих пор не ясно, как они рассчитывают время, затрачиваемое на то или иное дело. Это никак не контролируется, не регулируется и очень сложно для понимания. Во многих случаях, несмотря на

положительный исход, остается некоторая неудовлетворенность, потому что на юридическое сопровождение дела приходится тратить намного больше времени и ресурсов, нежели предполагалось. Для нас вопрос бюджета приобретает особое значение, ведь компания расположена на Дальнем Востоке и к стоимости работы консультантов иногда добавляются весьма существенные командировочные расходы. К сожалению, найти хороших внешних юридических консультантов на местах редко представляется возможным. У московских коллег все-таки и взгляд шире, и опыта больше.

– Расскажите о кейсе с Баджальским заказником.

– В течение 14 лет у нас в аренде находился лесной участок на севере Хабаровского края большой площади для заготовки древесины. У нас была вся разрешительная документация. В 2014 г. на участок приехали инспекторы местного заповедника, остановили лесозаготовку, арестовали нашу технику и выписали протокол, согласно которому мы осуществляли рубку на особо охраняемой природной территории в пределах федерального заказника «Баджальский». Но мы не знали ни о наличии самого заказника, ни о том, что он расположен на арендованной нами площади. Положение о заказнике никогда не публиковалось. Первое официальное упоминание в нормативных актах о нем появилось в конце 2015 г. после завершения рубок. Тем не менее, суд отверг эти доводы и довольно быстро рассмотрел административное дело, мы его проиграли и заплатили административный штраф, но дальше встал вопрос о возмещении экологического ущерба.

Правовой режим лесов на особо охраняемых природных территориях установлен законом о таких территориях и Лесным кодексом. Методика расчета ущерба основана на кратном взыскании вреда, причиненного лесу и почве. С учетом того, что территория была большая, а рубка древесины проводилась в течение нескольких лет, сумма ущерба по расчетам истца составила 3,9 млрд рублей. В случае удовлетворения иска по такой методике эта практика была бы перенесена на другие кварталы вырубки, и общий ущерб составил бы абсолютно беспрецедентную сумму — около 10 млрд рублей. Однако гораздо важнее то, что это ставило компанию на грань гибели. Удовлетворение такого иска привело бы к банкротству компаний нашего холдинга.

Дело рассматривалось более двух лет. Начавшись в феврале 2019 г., разгар разбирательства пришелся на время строгого карантина. За время рассмотрения иска поменялось три судьи. Я ездила в профильные подразделения Правительства РФ, в Рослесхоз, участвовала во всех совещаниях. На региональном уровне мы постоянно посещали ФГБУ «Заповедное Приамурье» (администратор всех ООПТ в крае). При этом документы, разрешавшие нам рубку древесины, даже не были оспорены.

Мы организовали выезд на место команды из разных специалистов. Например, участвовали привлеченные специалисты из Института леса Российской академии наук (г. Красноярск). В тайгу на Дальнем Востоке добраться непросто. Маршрут начался с города Комсомольск-на-Амуре, затем арендовали вертолет и полетели в Баджальский заказник. Проанализировав там в течение трех дней состояние лесных почв после рубки, истец был вынужден уменьшить сумму иска до 800 млн рублей. Когда же мы предоставили суду свои расчеты, подкрепленные юридическим обоснованием и научными заключениями, он взыскал с нас не 3,9 млрд, а 18 млн рублей почвенного ущерба. Кроме того, мы сами разработали проекты лесовосстановления и убедили суд заменить уплату ущерба деревьям на их посадку. Тем самым, обогатили судебную практику возможностью замены денежного (кратного) взыскания на неденежное удовлетворение экологического иска. Мы уплатили ущерб и организовали еще один выезд, на этот раз для высадки леса. Я очень горжусь тем, что моя команда со всем справилась.

– Вы всегда входите в проектную группу по самым сложным делам, или это был исключительный случай?

– Если риски велики, то в проектную команду обязательно входим я, руководитель управления, и юрист — менеджер проекта.

Евгения Суворова глава юридического департамента ООО УК «РФП Групп»

ИНТЕРВЬЮ СПЕЦПРОЕКТЫ СТАТЬИ